

За спиной кто-то резко вошел в него, и взгляд Лян Цзяня мгновенно затуманился. Его верхняя часть тела поддавалась напору, прижимаясь к холодному стеклу.

Сдавленные, дрожащие стоны, срывавшиеся с его губ, казались лишь поощрением для еще более грубого вторжения.

— Учитель, чего вы боитесь? Неужели не хотите, чтобы они увидели вас таким? Это же лучший способ их соблазнить. Разве вам не нравится заниматься подобными вещами? — Сюй Шанлу, давая волю своим желаниям, осыпал его ядовитыми насмешками.

Поначалу Лян Цзянь еще издавал какие-то звуки, но вскоре затих. Его тело оцепенело, он лишь безвольно принимал эту близость. Наконец Сюй Шанлу достиг пика.

— Учитель, вам хорошо? — Сюй Шанлу, чье лицо светилось довольством, развернул Лян Цзяня к себе.

И тут же замер.

Перед ним были пустые, безжизненные глаза, стоящие на грани краха, наполненные слезами. Лян Цзянь смотрел на него с такой скорбью, будто его взгляд проходил сквозь него, устремляясь в какой-то несуществующий мир. Чтобы не издать ни звука, он до крови закусил губу, и бледная кожа окрасилась алыми пятнами.

Сердце Сюй Шанлу сжалось, словно ледяная игла вонзилась в самое уязвимое место. Одна слеза скатилась по покрасневшему уголку глаза Лян Цзяня. Сюй Шанлу машинально поднял руку, чтобы стереть ее, и в панике прошептал:

— Учитель...

Всепоглощающее раскаяние накрыло его с головой. Он не хотел доводить Лян Цзяня до слез.

Лян Цзянь спросил его:

— Почему ты так со мной обращаешься?

Его взгляд был таким чистым и беспомощным, словно у измученного зверька, испускающего последний вздох.

И правда, почему?

Он признавал, что не был святым. Но когда заставлял Лян Цзяня носить женскую одежду, то не выставлял его напоказ другим; когда у того отнимали телефон, он не оставался в стороне; когда Лян Цзянь падал в ванной, он не пользовался его слабостью. У него все же были свои принципы.

Но что сейчас? Чем Лян Цзянь заслужил такое унижение?

Сердце Сюй Шанлу внезапно рухнуло в бездонную пропасть. Он молча поднял с пола брюки, протянул их Лян Цзяню и отвернулся.

Послышался шорох одежды, который вскоре стих. В голосе Лян Цзяня слышались рыдания:

— ...Уходи.

Сюй Шанлу обернулся и встретился с его покрасневшими, влажными глазами.

Прости.

Это слово застряло в горле, так и не сорвавшись с губ. Какое он имел право просить прощения, причинив такую боль? Сюй Шанлу, словно потерянный, вышел из комнаты.

Лян Цзянь сидел на стуле, выпил целый чайник чая и постепенно пришел в себя.

— Уровень симпатии Цели захвата — 50. Прошу хозяина продолжать в том же духе... Эм, хозяин? С вами все в порядке? — осторожно поинтересовалась Система.

Лян Цзянь не ответил, лишь пробормотал:

— ...Он покойник.

У Системы не было тела, но она невольно содрогнулась.

— Успокойтесь, убийство — это преступление, хозяин!

Лян Цзянь усмехнулся:

— Кто сказал, что я собираюсь его убивать? Главное — покорить сердце, моя глупая Система.

— Босс... будете сигарету? — В кабинке интернет-кафе Чу Ян с опаской протянул сигарету. Сюй Шанлу, чьи пальцы порхали над клавиатурой, дописывая последнюю строку кода, бросил на него взгляд.

— Бросил.

— А? — Чу Ян удивленно убрал сигарету обратно в пачку и с любопытством спросил: — Босс, вы в последние дни какой-то странный. Неужели закадрили красотку?

Он вдруг вспомнил недавний случай с Лян Цзянем в ночном клубе и, развеселившись, с намеком подколот:

— Неужели это заслуга той дамы? Раз уж вы даже курить бросили, не за горами и времена, когда Босс станет подкаблучником, верно?

— Меньше болтай, — Сюй Шанлу отбросилмышь и запустил программу, чувствуя беспричинное раздражение.

Лян Цзянь уже два дня не появлялся в школе, взяв отгул. Его беспокойство росло в геометрической прогрессии, и он каждую минуту боялся услышать новость об увольнении учителя. Глядя в экран, он то и дело представлял заплаканные глаза Лян Цзяня, проклиная себя за то, что тогда потерял рассудок.

— Чу Ян, спрошу тебя кое о чем, — небрежно начал Сюй Шанлу. — Если идешь извиняться, какой подарок лучше преподнести?

— Извиняться? — Чу Ян опешил. — Перед кем это?

Кто этот человек, заставивший Босса склонить голову и искать подарок? Он что, ослышался?

— Тебе какая разница! Просто отвечай на вопрос, — Сюй Шанлу раздраженно кашлянул.

Чу Яна осенило. Неужели... он хочет извиниться перед учителем Чжао? Из-за той ссоры в ночном клубе? Надо признать, хотя логика Чу Яна была в корне неверной, он все же угадал истинную причину.

Поразмыслив, он предложил:

— Тут главное — искренность. Встать на колени на стиральную доску... нет, это я к примеру. Суть в том, что вам нужно глубоко раскаяться, упасть в ноги и рыдать... нет, просто купите то, что он любит, и подарите.

Сюй Шанлу подумал, что в этом есть смысл. Он тут же вскочил, отправился в торговый центр, купил кучу всего и, нагруженный пакетами, позвонил в дверь дома Лян Цзяня. Он прокручивал в голове речь, которую произнесет, как только дверь откроется.

Однако Сюй Шанлу не ожидал, что даже спустя пять-шесть минут за дверью будет стоять такая тишина, будто в квартире никто не живет.

Его не пустили. Или же его просто не было дома.

Прислонившись к двери, Сюй Шанлу медленно сполз на пол. Подавленный, он достал телефон и набрал номер Лян Цзяня. Результат был прежним — никто не ответил.

— Учитель... — Он тупо смотрел в экран. Настроение было холодным, как эта железная дверь за спиной. Он обхватил колени руками и уткнулся в них лицом, словно страус, не желающий признавать реальность.

Хуже быть не могло: он искренне хотел извиниться, но ему даже не дали шанса. Сюй Шанлу оставалось только ждать. Ждать, когда Лян Цзянь выйдет или вернется домой.

Он вспомнил детство, когда они с мамой жили отдельно, еще до переезда в дом семьи Сюй. Каждый раз, когда мама уходила, она запирала дверь, и он мог лишь сидеть в тесном пространстве балкона, тихо дожидаясь ее возвращения, как домашний пес, ждущий хозяина. Это было долгое и мучительное время.

В тишине лестничной клетки раздался едва слышный всхлип. Небо постепенно темнело, коридор погрузился во мрак, и наконец внизу послышались голоса.

— Скоро я все тебе передам...

Это голос Лян Цзяня!

Сюй Шанлу резко вскочил, и от прилива крови к голове перед глазами поплыло. Он собрался с силами и, чувствуя огромное облегчение, направился к лестнице. С сильным носовым оттенком он позвал:

— Учитель!

Лян Цзянь поднял голову, на его лице отразились изумление и недоумение. Сюй Шанлу еще не успел улыбнуться, как заметил молодую женщину, тесно прижавшуюся к нему. У нее была модная волнистая прическа и приятное лицо, озаренное спокойной улыбкой. Лян Цзянь

придерживал ее за локоть, ведя себя как истинный джентльмен.

Острая горечь ударила в горло, словно он залпом выпил крепкого алкоголя. Глаза Сюй Шанлу покраснели. Он чувствовал себя женщиной, которая долго ждала мужа, а потом внезапно узнала об измене. Сердце переполняла ревность, но у него не было права произнести ни слова упрека.

Он мог лишь выдавить горькую улыбку:

— Учитель, вы вернулись.

Лян Цзянь сухо ответил: — Да, — и, поддерживая женщину, подошел к двери. — Я провожу тебя до станции.

Женщина посмотрела на Сюй Шанлу:

— А он?

Лян Цзянь взглянул на пакеты в руках Сюй Шанлу и спокойно спросил:

— Молодой человек, вы можете подождать?

Сюй Шанлу тяжело кивнул.

Они вошли в дом, Лян Цзянь достал из спальни стопку бумаг, передал их женщине и снова собрался уходить. Сюй Шанлу следовал за ним по пятам. Лян Цзянь нахмурился:

— Подожди меня дома, я скоро вернусь.

Сюй Шанлу поджал бледные губы и с мольбой в голосе произнес:

— Прошу вас, учитель, я не хочу ждать.

Прошу? Он умеет так униженно просить?

Лян Цзянь удивленно приподнял бровь, но не стал возражать и позволил Сюй Шанлу идти следом. Проводив женщину до метро, Сюй Шанлу не выдержал:

— Учитель, кто она?

— Друг, — небрежно ответил Лян Цзянь.

Сюй Шанлу едва не выпалил: — Девушка? — но сдержался. Он боялся спрашивать, опасаясь, что Лян Цзянь разозлится из-за его любопытства, или, что еще хуже, подтвердит это.

Они шли по тихой улице, в подстриженных кустах стрекотали цикады. Свет уличных фонарей отбрасывал на землю их длинные, тонкие тени.

— Учитель... я был неправ, — запинаясь, начал Сюй Шанлу. — То, что я сделал в тот день... это было мерзко. Если вы злитесь — бейте меня, ругайте, только не увольняйте и... не игнорируйте меня, пожалуйста.

Лян Цзянь остановился и обернулся, молча глядя на Сюй Шанлу. Тот замер в трех шагах от него, не смея подойти ближе, словно бездомный пес, боящийся людей.

Лян Цзянь сказал:

— Человек должен отвечать за свои поступки, Сюй Шанлу. Раз уж ты это сделал, должен быть готов нести ответственность. Слово прощение не стоит дешево, и не каждый его достоин. Я сказал все, что хотел. Пожалуйста, заberi свои вещи обратно.

Последние дни уроки Лян Цзяня проходили беспокойно. Когда он писал на доске, то чувствовал на спине два обжигающих взгляда. Обернувшись, он видел, как Сюй Шанлу лениво развалился на парте, притворяясь спящим, но, присмотревшись, можно было заметить, как дрожат его ресницы, а зрачки под веками беспокойно бегают.

Плохо притворяется.

Лян Цзянь дернул уголком рта. Честно говоря, то, как Сюй Шанлу осторожно наблюдал за ним, было даже немного мило, но это явно не могло смягчить сердце Лян Цзяня и заставить его простить. Как говорится, не накажешь — на шею сядет. Если он не воспитает этого маленького негодяя сейчас, то потом тот окончательно выйдет из-под контроля.

Лян Цзянь мог стерпеть многое: в постели он мог быть покорным, но вне ее он должен был заставить любого склониться перед собой.

Урок подходил к концу, в классе стоял шум. Лян Цзянь ударил тряпкой по столу и строго обвел взглядом ораву учеников:

— Тихо!

Стало только хуже. Лян Цзянь по натуре был мягким, да и преподавал литературу, поэтому ученики его не боялись. Не в силах унять разбушевавшихся подростков, он разозлился и вызвал нескольких самых громких парней.

— Вы трое, стойте в конце класса до конца урока, — холодно приказал он.

Один из них вызывающе крикнул:

— С чего это! Все разговаривают, почему вы прицепились только к нам!

Тут же кто-то подхватил:

— Точно, учитель, у вас что, климакс начался?

Лян Цзянь прищурился, собираясь ответить, как вдруг раздался оглушительный грохот. Обернувшись, он увидел Сюй Шанлу, сидящего с мрачным видом, вытянувшего ноги. Его парта была перевернута, а книги разбросаны по проходу.

В классе воцарилась гробовая тишина.

— Чего разорались? Встали и пошли! — Сюй Шанлу свирепо зыркнул на зачинщика, его взгляд был холодным, как лед.

Парень ошарашенно открыл рот — туда запросто поместилось бы яйцо. Что это с ним? Они помешали ему спать? У этого господина что, плохое настроение после сна? Он замер, не зная, что делать.

Лян Цзянь дернул щекой и низким голосом произнес:

— Сюй Шанлу, веди себя прилично. Зачем ты пинаешь парту?

Сюй Шанлу поджал губы, внезапно встал и направился к Лян Цзяню. По классу пронесся вздох — ученики не сводили с него глаз. Неужели он ударит учителя? Сюй Шанлу в гневе страшен...

Пока они гадали, Сюй Шанлу подошел к Лян Цзяню, остановился и уставился на его лицо черными, как смоль, глазами. Лян Цзянь машинально отступил на шаг — в драке он точно не был ровней Сюй Шанлу.

— Учитель, я пойду постою в коридоре, хорошо? — голос Сюй Шанлу был мягким, взгляд — нежным.

Лян Цзянь: — ... — он подавился словами.

Одноклассники тоже были в шоке, переглядываясь между собой: — ... — что-то здесь не так.

Сюй Шанлу слегка улыбнулся:

— Если я в чем-то виноват, учитель, можете наказывать меня как хотите, не жалейте.

Лян Цзянь продолжал молчать. Он уже сомневался, не вселился ли в Сюй Шанлу другой дух. Сюй Шанлу холодно взглянул на трех зачинщиков — ледяная аура снова вернулась к нему.

— Вы сами выйдете или мне вас выставить? — сказал он тихо, но твердо.

Разве могли эти хулиганы пойти против него? Чтобы после уроков не стать боксерской грушей для Сюй Шанлу и его друзей, троица понуро выскользнула из класса и выстроилась в ряд у стены. Сюй Шанлу тоже собирался выйти, но Лян Цзянь не удержался:

— Твоя парта...

Сюй Шанлу обернулся и улыбнулся:

— После урока поставлю на место. Учитель, продолжайте урок, не позволяйте им портить вам настроение.

Лян Цзянь был ослеплен этой послушной улыбкой и почувствовал, как перехватило дыхание. Ну ладно, никакого переселения душ — просто он начал притворяться пайнкой.

Волк в овечьей шкуре — противно смотреть!

— Учитель, как вам мое сочинение? — Сюй Шанлу, склонившись над учительским столом, улыбался.

У Лян Цзяня дернулся глаз. Опять. С каких пор у Сюй Шанлу такая тяга к литературе? Мало того, что он стал внимательно слушать на уроках и вовремя сдавать домашку, так еще и при каждой возможности лезет к нему.

А как же твой имидж школьного хулигана? А как же статус двоечника? Откуда эта внезапная тяга к исправлению?

Хуже всего пришлось Чу Яну: Сюй Шанлу уступил ему место последнего в списке успеваемости, и теперь тот регулярно получал от своей вспыльчивой отличницы-подружки.

Лян Цзянь не мог справиться с настойчивостью Сюй Шанлу. Прожив несколько жизней, он давно обрел душевный покой, но этот семнадцатилетний подросток довел его до того, что он начал прятаться. Парень словно с цепи сорвался: чем холоднее Лян Цзянь к нему относился, тем ниже Сюй Шанлу склонял голову.

Слишком короткий промежуток времени между высокомерием и покорностью. Лян Цзянь не чувствовал себя польщенным — скорее, жил в страхе, боясь, что тот замышляет какую-то пакость.

После уроков Лян Цзянь поспешно ушел домой. Сюй Шанлу смотрел из окна, как он уходит. Его взгляд скользнул по учительскому столу — Лян Цзянь так торопился, что забыл свою чашку.

Неужели он такой страшный? Лян Цзянь избегает его, как стихийного бедствия. Сюй Шанлу тяжело вздохнул.

Скучая, он сидел в пустом классе, закинув ногу на парту и вращая ручку. Был урок физкультуры, на который он не пошел. В тишине коридора слышался шепот:

— Это точно хорошая идея? ...Слишком мерзко.

— Плевать. Кто просил его ставить нас в угол? Столько людей нарушали дисциплину, а он выбрал нас для острастки! Думает, раз мы тихие, можно издеваться?

Сюй Шанлу приподнял бровь и юркнул в подсобку в конце класса. Трое парней, крадучись, вошли в кабинет. Один встал на шухере у двери, двое направились к столу. В руках у одного была бутылка минералки, наполненная наполовину желтоватой жидкостью. Он открутил крышку с чашки Лян Цзяня и ухмыльнулся:

— Хе-хе, не повезло тебе! Кто просил забывать чашку здесь!

Другой занервничал:

— Мне как-то не по себе. Если он учует запах... нас не выгонят?

— Просто сполоснем! Сполоснем — и всё! Он не узнает! — успокоил его зачинщик.

Сюй Шанлу усмехнулся про себя. Подождав, пока тот открутит крышку бутылки, он не спеша вышел из укрытия.

— Чем занимаетесь, а? — с недоброй улыбкой спросил он.

Злоумышленники не ожидали, что в классе кто-то есть, и от испуга застыли. Увидев Сюй Шанлу, они почувствовали, как подкашиваются ноги.

— Ты... ты...

Не успели они договорить, как Сюй Шанлу нанес удар. Через несколько минут в классе остался стоять только он, а остальные трое катались по полу, воя от боли — все были в синяках и ссадинах. Сюй Шанлу размял запястья, подошел к одному из них и несильно пнул:

— Что у вас в бутылке?

— Ммм... — невнятно забормотали они, умоляя о пощаде.

Голос Сюй Шанлу стал холоднее:

— Не скажете — вылью вам на голову!

Парень на полу в слезах закричал:

— Это моча! Мы не хотели по-настоящему, это минутное помутнение! Умоляем, отпусти нас!

Сюй Шанлу и так догадывался, что у них дурные намерения, но при мысли, что, не будь его здесь, Лян Цзянь завтра мог бы выпить это... Его лицо помрачнело, кулаки снова зачесались. Сдержавшись, он сказал:

— У меня есть запись вашего разговора. Никто не уйдет от ответственности, готовьте документы на отчисление.

Парни дрожали, сопли и слезы текли по их лицам. Один спросил:

— Сколько денег тебе нужно, чтобы отпустить нас? Кем тебе приходится учитель Чжао, что ты так его защищаешь?

Сюй Шанлу презрительно усмехнулся:

— Ты не заслуживаешь этого знать.

На следующий день, едва Лян Цзянь пришел в учительскую, он заметил сочувствующие взгляды коллег. Завуч похлопал его по плечу и многозначительно произнес:

— Учитель, работать становится все труднее.

Лян Цзянь был в недоумении, пока его не привели в кабинет директора. Там он увидел Сюй Шанлу, стоящего как вкопанный, а рядом — трех избитых учеников и их родителей. Он с каменным лицом спросил:

— ...Опять драка?

Сюй Шанлу ударил так сильно, что у одного из парней было легкое сотрясение мозга. Их родители в ярости требовали сатисфакции. Лян Цзянь посмотрел на Сюй Шанлу с легким негодованием:

— Ты можешь хоть раз вести себя спокойно? Хватит вечно создавать проблемы и обижать одноклассников.

Сюй Шанлу широко открыл глаза:

— Сначала спросите их, что они собирались сделать с вами!

Лян Цзянь с порога начал его отчитывать, и Сюй Шанлу почувствовал, как внутри все сжалось — словно его искренние чувства были выброшены в мусор.

— Но ведь у них ничего не вышло! В крайнем случае — покушение на преступление, — воскликнул один из родителей. — А вы, молодой господин Сюй, думаете, раз у семьи есть деньги, то можно не считаться с человеческой жизнью? Мой сын избит до такого состояния, мы не позволим себя так просто унижать!

Сюй Шанлу нетерпеливо бросил:

— Расходы на лечение я оплатил еще вчера.

<http://bllate.org/book/21563/2220091>